

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

МИРНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ МЕРВА.

(Изъ воспоминаній о походѣ генерала А. В. Комарова въ 1885 г.).

СБѢМЪ извѣстны и многимъ еще памятны обстоятельства, при которыхъ въ началѣ 80-хъ годовъ вспыхнуло и быстро распространилось по Судану и Верхнему Египту возстаніе мусульманскаго проповѣдника, выдававшего себя за «Махди»¹⁾. Египетскіе гарнизоны и отряды, даже тѣ, которые находились подъ командой европейскихъ офицеровъ, были уничтожены, городъ Хартумъ осажденъ и взятъ, его защитникъ знаменитый генераль Гордонъ умерщвленъ, п англичане, шедшіе ему на выручку, разбиты.

Въ 1887 году, когда мнѣ привелось путешествовать по Египту, махдисты, предавъ громадную и богатую страну огню и мечу и отторгнувъ ее отъ общечеловѣческой культуры, владѣли не только всѣмъ Суданомъ, но и долиной Нила вплоть до Вади-Хальфы.

Только по прошествіи многихъ лѣтъ англо-египетскимъ войскамъ удалось, при затратѣ огромныхъ средствъ и силъ, завоевать обратно Суданъ и уничтожить возникшее тамъ махдистское царство. Однако и это случилось лишь послѣ кончины перваго «Махдія»—— Магомета-Ахмета.

¹⁾ Махди или «имамъ Махди»——ожидаемый мусульманами пророкъ, изъ потомковъ Магомета, имѣеть возстановить вѣру, довершить дѣло Магомета, обратить невѣрныхъ и раздѣлить справедливо всѣ блага земли. По преданію ислама, появленіе Махдія «хуруджъ» должно произойти въ послѣдніе годы передъ концомъ міра.

А в т.

Но мало кто знаетъ, что въ это же время, въ 1883 году, соотвѣтствовавшемъ 1300 году мусульманскаго лѣтосчисленія, когда яркая комета, долго державшаяся надъ горизонтомъ Ближняго и Средняго Востока, взволновала суевѣрныхъ туземцевъ, а наступленіе новаго столѣтія гиджры оживило среди мусульманъ ожиданіе Махдіа, — махдистское движеніе началось и въ Средней Азіи.

Центромъ его былъ Мервъ, тогда еще независимая разбойничья туркменская область, а инициаторомъ — таинственная личность, скрывавшая свое имя подъ названіемъ «Сіяхъ-Пушъ», т. е. черно-ризецъ.

Этотъ человекъ обладалъ удивительнымъ личнымъ обаяніемъ и сумѣлъ подчинить своей волѣ часть мервскихъ туркменъ. Дѣятельность его находилась въ связи съ происками извѣстнаго претендента на афганскій престолъ Эюбъ-хана, разбиившаго англичанъ при Майвандѣ и проживавшаго въ 1883 году въ Хорасанѣ. Къ веснѣ же 1884 года Сіяхъ-Пушъ соткалъ на политической и на религіозной почвѣ, выдавая себя за намѣстника (найба) Махдіа, цѣлую сѣть интригъ, которая все болѣе и болѣе угрожала миру.

Къ общему благополучію, съ этимъ фазисомъ стараній Сіяхъ-Пуша совпало случайно, если въ исторіи есть случайности, занятіе Мерва русскими войсками.

Это мирное завоеваніе было вызвано именно назрѣвшей необходимостью обезпечить спокойствіе, безопасность и культурное развитіе мѣстностей, прилегающихъ къ нашей, только что образованной Закаспійской области.

При движеніи небольшого отряда генерала А. В. Комарова къ Мерву для введенія тамъ, по желанію большинства населенія, русскаго управленія сторонники Сіяхъ-Пуша произвели, по его наущенію, два, впрочемъ, не удавшихся, нападенія на русскихъ, а въ промежутокъ между этими нападеніями наши ахаль-текинскіе милиціонеры нанесли пораженіе сборищу непокорныхъ мервцевъ.

Когда выяснился неуспѣхъ Сіяхъ-Пуша и его послѣдователей, мѣстные туркмены схватили и самого Сіяхъ-Пуша и главнѣйшихъ преданныхъ ему лицъ и привели всѣхъ ихъ, въ мартѣ 1884 года, въ русскій лагерь.

Этимъ было пріостановлено дальнѣйшее кровопролитіе и были, несомнѣнно, предотвращены бѣдствія, которыя если бы и не сравнялись, по ужасу, съ суданскими, все же вызвали бы ненужныя страданія и замедлили бы осуществлявшееся русскими окончательное замиреніе Средней Азіи.

Я находился при отрядѣ генерала Комарова въ качествѣ гостя Александра Виссаріоновича, слѣдующаго изъ Петербурга, гдѣ я служилъ предъ тѣмъ первымъ секретаремъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Ташкентѣ, для занятія должности чиновника особыхъ

поручений по дипломатической части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ.

Съ разрѣшенія тогдашняго директора азіатскаго департамента И. А. Зиновьева, глубокаго знатока средне-азіатскихъ дѣлъ и блестящаго организатора тогдашней русской средне-азіатской политики, я направился въ Туркестанъ черезъ Закаспійскую область и черезъ крайне интересныя въ то время смежныя съ ней персидскія и туркменскія владѣнія, въ томъ числѣ и черезъ Мервъ, предполагая добраться затѣмъ до Ташкента черезъ Бухару.

Послѣ ареста Сіяхъ-Пуша я, по просьбѣ генерала Комарова, снялъ показанія съ самого агитатора и съ его сообщниковъ и выяснилъ, насколько это оказалось возможнымъ, личность и роль этого довольно необычайнаго человѣка. Попутно открылось немало любопытныхъ обстоятельствъ, которыя я отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ, на ряду съ другими подробностями похода. Съ тѣхъ поръ минуло 30 лѣтъ. «Мервскій вопросъ», нѣкогда столь острый и угрожавшій европейскому миру, отошелъ въ область исторіи. Его политическое значеніе изложено въ изданной нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ первой по времени русской Оранжевой книгѣ ¹⁾.

Выдающіяся заслуги генерала А. В. Комарова (скончавшагося въ 1904 году) въ рѣшеніи этого вопроса упомянуты,—къ сожалѣнію, слишкомъ кратко,—въ юбилейномъ изданіи, появившемся по случаю 25-лѣтія боя на рѣкѣ Кушкѣ ²⁾.

Участіе въ присоединеніи Мерва ротмистра Алиханова и его наблюденія надъ дѣятельностью мервцевъ и Сіяхъ-Пуша ³⁾ описаны имъ подробно и образно въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу двадцатой годовщины этого событія ⁴⁾.

¹⁾ «Афганское разграниченіе, переговоры между Россіей и Великобританіей 1872—1885 гг.». Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Петербургъ. Типографія Суворина. 1886. Стр. 20—34.

²⁾ «Бой на Кушкѣ 18-го марта 1885 года и территоріальныя приобрѣтенія въ царствованіе императора Александра III, съ портретомъ А. В. Комарова». Петербургъ. Электро-типографія Н. Я. Стойковой, 1910 г. Стр. 7—9. При Кушкѣ А. В. Комаровъ разбилъ на голову значительно сильнѣйшій афганскій отрядъ, наступавшій въ занятую русскими Южную Туркменію.

Авт.

³⁾ Алихановъ (Али-ханъ-Аварскій) кавказскій мусульманинъ, офицеръ, замѣчательно даровитый и предприимчивый, былъ въ 1870 годахъ адъютантомъ кавказскаго наместника. Разжалованный за дуэль, онъ перешелъ на службу въ Закаспійскій край, былъ командированъ ген. Комаровымъ въ Мервъ для переговоровъ о присоединеніи этой области къ Россіи и за заслуги въ этомъ дѣлѣ былъ вознагражденъ возвращеніемъ ему чиновъ и орденовъ и назначеніемъ начальникомъ Мервскаго округа. Въ бою при Кушкѣ Алихановъ командовалъ кавалеріей отряда генерала Комарова, 20 лѣтъ спустя былъ убитъ революціонерами на Кавказѣ, въ званіи временнаго генераль-губернатора, въ 1906 году.

Авт.

⁴⁾ «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь 1904 г. «Закаспійскія воспоминанія 1881—1885».

Я желалъ бы теперь, въ качествѣ очевидца, дополнить разсказъ Алиханова нѣкоторыми личными воспоминаніями о бытовой сторонѣ похода въ Мервъ и занятія этой области отъ ядомъ генерала Комарова.

I.

Я пріѣхалъ въ Красноводскъ 1-го января 1884 года.

Въ тотъ же день почти за тысячу верстъ отъ этой тогдашней нашей базы на восточномъ берегу Каспійскаго моря въ Мервъ «генгешъ», или собраніе хановъ, старшинъ и уполномоченныхъ

Крѣпость Мервъ. Южный фасъ.

всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскаго народа, постановилъ добровольно принять русское подданство.

Мотивы и обстоятельства этого событія изложены подробно въ упомянутой выше «Оранжевой книгѣ» и въ «Закаспійскихъ воспоминаніяхъ Алиханова».

Я узналъ объ этомъ рѣшеніи отъ генерала Комарова, когда пріѣхалъ въ Асхабадъ. Путь туда шелъ въ то время сначала паромомъ до Михайловскаго залива, гдѣ на песчаномъ и безводномъ островѣ Узунъ-Ада начинался головной участокъ нынѣшней Средне-Азіатской желѣзной дороги ¹⁾.

¹⁾ Этотъ участокъ простирался въ то время отъ моря только до Кызыль-Арвата, перваго ахаль-текинскаго оазиса, на протяженіи около двухсотъ верстъ. Тутъ рельсы были положены черезъ сыпучіе пески въ первый разъ въ исторіи генераломъ Анненковымъ во время похода генерала Скобелева въ Геокъ-Тепе, въ 1880—81 годахъ.

Далѣе я воспользовался батальонными лошадьми, любезно высланными мнѣ начальникомъ области. Почтовыхъ станцій тогда не было, и телеграфъ изъ Россіи доходилъ только до Асхабада.

Тамъ я узналъ также отъ генерала Комарова, что изъ Петербурга получено разрѣшеніе принять мервцевъ въ русское подданство и что на дняхъ ожидается въ Асхабадъ депутація мервскихъ хановъ и старшинъ для принесенія присяги государю императору. Послѣ этого генераль Комаровъ предполагалъ самъ двинуться съ отрядомъ въ Мервъ для введенія тамъ новаго управленія и предложилъ мнѣ слѣдовать въ Мервъ вмѣстѣ съ нимъ, обѣщавъ помочь мнѣ пройти затѣмъ одному, черезъ пески Каракумъ, на Чарджуй, въ Бухару.

Всѣ эти извѣстія меня глубоко обрадовали прежде всего потому, что они давали надежду на мирное и вполне соответствующее русскимъ интересамъ рѣшеніе мервскаго вопроса, трудность котораго ясно сознавалась въ Петербургѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ показалось чрезвычайно привлекательною возможность побывать при такихъ благоприятныхъ условіяхъ и безотлагательно въ Мервѣ, таинственной области, слывшей «Царицей Міра» (Шахъ-И-Джеханъ), о которой предприимчивый британскій корреспондентъ О'Донованъ, рискуя жизнью и просидѣвъ довольно долго въ плѣну въ Мервѣ, только что, въ 1882 году, обнаруговалъ новѣйшія и очень сенсаціонныя извѣстія.

Присутствовавъ на присягѣ мервскихъ уполномоченныхъ, я выѣхалъ 9-го февраля изъ Асхабада въ Хорасанъ, условившись съ генераломъ Комаровымъ присоединиться къ нему не позже 22-го февраля въ Карры-Бентъ.

Эта «Старая Плотина» находилась на рѣкѣ Тедженѣ и тамъ, какъ въ крайнемъ пунктѣ русскихъ владѣній въ сторону Мерва, былъ расположенъ съ декабря 1883 года тотъ небольшой сторожевой отрядъ, съ которымъ генераль Комаровъ предполагалъ занять Мервъ.

Я направился въ Хорасанъ черезъ не обследованный еще Гауданскій перевалъ, черезъ который вьючная тропа вела изъ Асхабада въ городъ Кучанъ. Другой перевалъ черезъ тотъ же пограничный хребетъ Копетъ-Дагъ—именно Давандскій—былъ уже пройденъ, но найденъ неудобнымъ П. М. Лессаромъ.

Этотъ впослѣдствіи извѣстный дипломатъ, совѣтникъ посольства въ Лондонѣ и посланникъ въ Пекинѣ, былъ тогда еще инженеромъ путей сообщенія и производилъ изысканія для шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ къ востоку отъ Асхабада, состоя въ распоряженіи начальника Закаспійской области. Послѣ взятія Геокъ-Тепе Скобелевымъ, Лессаръ въ 1881 году прошелъ съ нивелиромъ въ Афганистанъ до города Герата. При этомъ П. М. Лессаръ сдѣлалъ географическое открытіе исторической важности.

Наше поколѣніе учли, что Закаспійская степь отдѣляется отъ Гератской равнины естественной гранью—снѣговымъ хребтомъ Паранамизомъ, а Лессаръ доказалъ, что такого хребта вовсе нѣтъ, что главный перевалъ изъ Закаспійской области къ Герату, называемый Карванъ-Ашанъ, возвышается всего на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, и что изъ Асхабада въ Гератъ можно бы проѣхать въ коляскѣ.

Обнаруженное такимъ образомъ отсутствіе естественной преграды вдоль сѣверо-западной окраины Афганистана заставило Великобританское правительство начать переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ объ установленіи въ упомянутой мѣстности, а затѣмъ и далѣе на востокъ, вполне точной договорной границы между русской и англійской сферами вліянія.

Лессаръ, перешедшій въ 1885 году на службу въ дипломатическое вѣдомство, посвятилъ этому дѣлу всѣ свои силы и лучшіе годы своей жизни.

Ему удалось провести искомую пограничную черту отъ рѣки Теджена до Памира и тѣмъ положить основаніе послѣдующему дружественному культурному существованію Россіи и Англіи въ Азій.

Лессаръ, будучи въ Петербургѣ осенью 1883 года, много помогъ мнѣ своимъ опытомъ и добрымъ совѣтомъ, когда я обзаводился палаткой, вьюками и всѣмъ необходимымъ для предстоящаго мнѣ продолжительнаго зимняго похода. Самъ Павелъ Михайловичъ вернулся въ Асхабадъ незадолго передъ моимъ выступленіемъ оттуда и скорѣй направился въ Карры-Вентъ и Мервъ съ генераломъ Комаровымъ.

Гауданскій перевалъ оказался очень высокимъ (мой anerоидъ опускался до цифры 7.200 футовъ). Онъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ, какъ и Давандскій перевалъ, черезъ который я, для сравненія, возвратился въ Закаспійскую область. Однако впослѣдствіи то шоссе, которое теперь соединяетъ Асхабадъ съ Хорасаномъ, было проведено черезъ Гауданскій перевалъ, какъ всѣтаки наиболѣе удобный по своей профили для проложенія колеснаго пути ¹⁾.

Въ округахъ Кучанъ и Дерегезъ, находящихся въ этой части Хорасана, существовало тогда еще полунезависимое отъ шаха правленіе мѣстныхъ наслѣдственныхъ губернаторовъ «ильханіевъ». Народъ былъ очень бѣденъ. Русскихъ товаровъ почти не встрѣчалось, а въ сельскихъ мѣстностяхъ виднѣлись всюду слѣды обычныхъ туркменскихъ разбойничьихъ набѣговъ «аламановъ», къ прекращенію которыхъ русское правительство настойчиво стремилось. Я видѣлъ также на каждомъ шагу признаки возрожденія этихъ

¹⁾ На дняхъ по этому пути прослѣдовалъ изъ Асхабада въ Мешхедъ первый автомобиль.

мѣстностей къ нормальной эконоμической жизни. Заброшенные оросительные каналы «кяризы» возобновлялись, къ старымъ пашнямъ прибавлялись новыя. Земледѣльцы работали спокойно на поляхъ, еще ишенщренныхъ небольшими глинобитными башенками, въ которыхъ туземцы скрывались—какъ суслики въ свои норы—при появлеіи аламанщиковъ.

Мой проводникъ, старый туркменъ, по имени Паша-Сердаръ, знаменитый разбойникъ, перешедшій на службу къ русскимъ, говорилъ не безъ горечи: «Вотъ идутъ переіяне намъ навстрѣчу. Въ прежнее время—то ли дѣло—руки за спину и въ Мервъ, въ плѣнъ. Теперь даже женщины сняты на крышахъ», то есть на открытомъ воздухѣ, не боясь похищенія туркменами.

Когда осенью 1883 года шайки мервскихъ туркменовъ совершили новыя набѣги на восточный Хорасанъ, генералъ Комаровъ и выдвинулъ въ Карры-Бентъ, для обузданія разбойниковъ, упомянутый выше отрядъ. При такихъ обстоятельствахъ, добровольное подчиненіе Мерва русской власти должно было знаменовать не только для Туркменіи, но и для Хорасана начало новой эры эконоμического расцвѣта, безопасности и мира.

Спустившись съ высоты Копетъ-Дага въ оазисы Атека, я прибылъ съ переводчикомъ, слугою и двумя вьючными лошадьми, сопровождаемый, для почета, двумя казаками, въ Карры-Бентъ 22-го февраля. Послѣдній переходъ въ 74 версты безъ воды отъ селенія Каахка былъ очень тяжелый.

Рѣка Тедженъ, перепруженная у Карры-Бента, образуетъ тутъ небольшой оазисъ, съ пашнями и садами, за которыми сама рѣка теряется въ пескахъ. Около воды были размѣщены 4 роты Закаспійской стрѣлковой бригады, 2 сотни кавказскихъ казаковъ, взводъ ахаль-текинскихъ милиціонеровъ и 4 маленькихъ горныхъ орудія на колесахъ столь стариннаго образца, что они пракщического значенія не имѣли. Численность всего отряда не превышала 1.500 человекъ.

Генералъ Комаровъ и его небольшой штабъ жили въ кибиткахъ¹⁾, около которыхъ помѣщались обыкновенно палатки Лессара и моя.

Погода стояла ясная, свѣжая. Но днемъ солнце припекало, и я надѣлъ на фуражку бѣлый чехоль.

Жизнь въ лагерѣ была спокойная. Заканчивались приготовленія къ преодолѣнію безводнаго перехода въ 110 верстъ до Мерва. Я часто бесѣдовалъ о политикѣ и о многихъ иныхъ вопросахъ съ А. В. Комаровымъ, пользуясь его гостепріимствомъ и ободреннымъ его задушевною и симпатичною встрѣчей. Чѣмъ болѣе я знакомился съ этимъ высококультурнымъ и разнообразно-одареннымъ человекомъ, тѣмъ болѣе проникался я уваженіемъ къ его европейски-из-

¹⁾ Туземныя войлочные переносныя жилища, имѣющія видъ полушарія.

вѣстнымъ научнымъ познаніямъ (по энтомологіи, археологіи и нумизматикѣ), которыя сочетались въ немъ съ боевыми качествами стараго кавказца, такъ доблестно выказанными имъ черезъ годъ при Кушкѣ. По вечерамъ у генерала обыкновенно составлялась партія въ винтъ.

Приказомъ по отряду выступленіе въ Мервъ было назначено на 25-е февраля, въ восемь часовъ утра.

Наканунѣ, сыгравъ обычные три робера, я только что вернулся въ свою палатку и надѣвалъ доху и валенки, чтобы лечь спать, когда ко мнѣ явился ординарецъ Александра Виссаріоновича и доложилъ, что генераль проситъ меня къ себѣ.

Оказалось, что нарочный джигитъ (конный милиціонеръ) привезъ генералу Комарову изъ Мерва письмо отъ Алиханова. Въ письмѣ этомъ Алихановъ, командированный въ Мервъ для подготовленія его занятія нашимъ отрядомъ, доносилъ, что вслѣдствіе проповѣди муллы Сіяхъ-Пуша въ Мервѣ вспыхнуло возстаніе, и что до 5.000 вооруженныхъ туркменовъ подъ предводительствомъ Каджаръ-хана ¹⁾ рѣшили напасть на русскій отрядъ у первой воды по пути къ Мерву.

Генераль прочелъ мнѣ письмо Алиханова и пожелалъ узнать мое мнѣніе о положеніи. Оно казалось мнѣ незавиднымъ, но разногласія о томъ, что дѣлать, быть не могло.

Конечно, карры-бентскій отрядъ былъ рассчитанъ на мирное занятіе оазиса, а не на борьбу съ какой-либо частью его населенія, доходившаго въ общемъ до 400,000 душъ. Впереди—110 верстъ безводнаго пути. Въ тылу — болѣе трехсотъ верстъ степи до Асхабада, гдѣ, впрочемъ, находилось тогда всего два батальона. Очевидно, наша сила заключалась не въ числѣ штыковъ, а въ обаяніи русскаго имени, запечатлѣнномъ среди туркменовъ недавнимъ взятіемъ Скобелевымъ Геокъ-Теке. Было ясно, что мервцы могли бы уничтожить нашъ отрядъ даже безъ нападенія открытой силой. Для этого имъ было достаточно сжечь мѣстные запасы фуража и зернового хлѣба, откочевать со стадами въ степь и дѣйствовать на наши сообщенія съ Асхабадомъ.

Но «генгешъ» 1-го января явился, несомнѣнно, выраженіемъ серьезнаго рѣшенія большинства населенія оазиса обезпечить свою будущность подчиненіемъ русской власти.

Важно было сохранить въ глазахъ туземцевъ обаяніе, при собственное русской силѣ, и для этого было необходимо и достаточно показать мервцамъ воочію, что всякія ихъ демонстраціи для генерала безразличны и не могутъ замедлить ни на одну часть движенія отряда. Такъ генераль Комаровъ и рѣшилъ поступить.

¹⁾ Вліятельный и честолюбивый старшина мервскаго племени Бахши.

Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, какъ правильно онъ оцѣнилъ положеніе и какъ послѣдовательно и успѣшно онъ держался усвоенной имъ тактики.

22-го февраля, въ 8 часовъ утра отрядъ, принявъ надлежащія мѣры военной предосторожности, выступилъ изъ Карры-Бента въ Мервъ.

II.

Первый переходъ былъ назначенъ, по маршруту, въ 28 верстъ. Какъ переходъ, такъ и ночлеги—безъ воды. При отрядѣ было 155 верблюдовъ. Изъ нихъ половина везли воду для питья людей и лошадей и для варки пищи. Путь пролегалъ по песчаной равнинѣ, уже покрытой травой, которая превращаетъ каракумскіе пески въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ въ превосходное пастбище. Топлива, въ видѣ разныхъ кустарниковъ, было вдоволь. Мѣстами держалась еще вода отъ снѣга и дождей въ глинистыхъ углубленіяхъ почвы, называемыхъ «каакъ».

Отъ 12 до 3 часовъ былъ приваль. Въ 6 часовъ вечера мы пришли на ночлегъ. Пѣхота подошла къ 10 часамъ. Вечеромъ въ лагерь стрѣлки пѣли хоровыя пѣсни. По этому поводу туркмены говорили переводчику генерала Комарова Таирову: «Шли цѣлый день и теперь пѣсни поютъ; съ такими людьми ничего не подѣлаешь».

Посланный отъ Сары-хапа, начальника ближайшаго мервскаго племени сычмазъ, прибылъ въ лагерь, чтобы просить генерала предупредить о времени своего прибытія въ мервскій оазисъ, для устройства встрѣчи.

Извѣстія изъ Мерва хорошія. День былъ свѣжій, слегка пасмурный. Такая же, только лунная ночь. Въ палаткѣ тепло и уютно.

На слѣдующій день, послѣ безводнаго перехода въ 18 верстъ отрядъ остановился на ночь у заброшеннаго оросительнаго канала Кумъ-ябъ, съ дождевой водой, въ двухъ верстахъ отъ развалинъ старинной бухарской или хивинской крѣпости Куланъ-Рабатъ.

Лессаръ дѣлалъ съемку пути съ помощью одометра. То было первое колесо, прошедшее до Мерва, такъ какъ здѣсь до прибытія русскихъ все перевозилось на вьюкахъ и даже арбы (азіатскія двуколки) не были извѣстны. Не было вообще дорогъ, такъ какъ правильныхъ сообщеній, даже вьючныхъ, не существовало.

А. В. Комаровъ и сопровождавшія его лица остановились по пути у одного каака съ дождевой водой, чтобы напоить лошадей. Тамъ мы встрѣтили довольно много мервцевъ, шедшихъ группами и въ одиночку на Тедженъ работать: сѣять пшеницу, сѣмена которой они несли на себѣ, надѣясь, что присутствіе русскихъ оградитъ ихъ отъ разбойниковъ.

Невдалекѣ паслось нѣсколько стадъ барановъ, выпущенныхъ на отличное степное пастбище въ первый разъ, благодаря нашему

прибытію и устанавливающемуся миру. Все это хорошіе симптомы.

Встрѣчнымъ туркменамъ генераль Комаровъ, черезъ переводчика Таирова, разъяснилъ въ доступныхъ ихъ пониманію словахъ, что цѣль его прибытія въ Мервъ дать каждому туземцу возможность заниматься спокойно своимъ дѣломъ: богатымъ увеличивать свое состояніе, а бѣднымъ обогащаться; что ихъ вѣра, обычаи и имущество останутся неприкосновенными подъ владычествомъ русскаго царя, который не дозволитъ аламанства (разбоевъ) и будетъ наказывать каждаго, кто сталъ бы угрожать безопасности мирныхъ жителей.

Прокламація генерала въ этомъ же смыслѣ была прочитана въ Мервѣ Алихановымъ, который доносилъ, что мервцы, выслушавъ ее, сказали: «Если все будетъ такъ, то лучше не надо».

Алихановъ добавлялъ, что мервцы хотѣли бы, чтобы среди нихъ не было русскаго войска. Но это, очевидно, невозможно, такъ какъ для обузданія аламанщиковъ необходимо присутствіе вооруженной силы. Ясно, что за войну съ русскими стоятъ только аристократическія семьи бывшихъ хановъ, которые при русскомъ владычествѣ лишаются прежней власти, и молодежь, не желающая отказаться отъ аламанства изъ-за удалства и традиціоннаго способа добыванія невѣсть. Женыхъ долженъ отличиться въ бою и уплатить «калымъ» (приданое) изъ добычи. Кромѣ того, при отсутствіи промышленности и торговли, разбой являлся единственнымъ средствомъ обогащенія и притомъ почетнаго и быстрого.

По приказанію генерала, была куплена у встрѣтившихся мервцевъ нѣсколько барановъ за наличныя деньги по хорошей цѣнѣ¹⁾. Эта мѣра, сообразованная съ психологіей туземцевъ, явилась цѣннымъ фактическимъ подтвержденіемъ милостивыхъ генеральскихъ рѣчей.

27-го февраля отрядъ, послѣ безводнаго перехода въ 26 верстъ, пришелъ на бивуакъ Карибъ-ата, гдѣ теперь станція Средне-Азіатской желѣзной дороги того же имени, послѣдняя передъ станціей Мервъ. Тамъ находилось два небольшихъ озера прѣсной, снѣговой, хорошей воды, той самой, къ которой Каджаръ-ханъ собирался насъ не допустить. Но генераль Комаровъ прибылъ туда уже въ часъ 40 минутъ дня и расположилъ отрядъ вокругъ каака, преграждая доступъ къ нему со всѣхъ сторонъ.

Неорганизованныя же силы Каджаръ-хана опоздали.

Этотъ переходъ шелъ все время мелкимъ лѣсомъ и кустарниками мимо колодцевъ Дортъ-кую (теперь тоже желѣзнодорожная станція), въ которыхъ вода соленая, съ запахомъ сѣроводорода, но лошади ее пьютъ.

¹⁾ По 20 персидскихъ крановъ, или 8 рублей, за барана, вѣсомъ въ два пуда чистаго мяса.

По пути стали встрѣчаться пашни, орошаемыя разъ въ 5—6 лѣтъ чрезвычайнымъ разлитіемъ рѣки Мургаба, питающей мервскій оазисъ. Нѣсколько кучъ самана (мѣстнаго фуража) были подожжены передъ нашимъ прибытіемъ и еще горѣли. Но казаки все-таки имъ воспользовались. Фуража у насъ было очень мало.

Мервскіе ханы Сары-батырь отдѣленія бахши и Майлы-ханъ выслали въ Карибъ-ата, навстрѣчу отряду, верблюдовъ съ водой и двухъ людей съ письмомъ. Въ немъ Алихановъ благодарилъ генерала за извѣщеніе о производствѣ его за отличіе въ майоры и писалъ, что въ Мервѣ все спокойно. Самъ Алихановъ намѣревался прибыть въ лагерь на слѣдующій день съ мервскими ханами и всадниками, для встрѣчи генерала.

Мервцы начали стекаться къ нашему лагерю, чтобы продавать, по хорошей цѣнѣ, чуреки (мѣстный хлѣбъ) и фуражъ. Расторговавшись послѣднимъ, нѣкоторые послали въ Мервъ, отсюда верстъ 20, за новымъ запасомъ этого товара. Скоро, вѣроятно, здѣсь будетъ большой базаръ. «Это отлично,—думали мы:—такъ какъ выгодность для туземцевъ русской оккупации станетъ для нихъ очевиднѣе».

Въ Карибъ-ата—дневка. Вечеромъ винтъ. Безводныхъ переходовъ уже не будетъ.

День 28-го февраля былъ съ утра пасмурный. Затѣмъ пошелъ не прекращавшійся дождь.

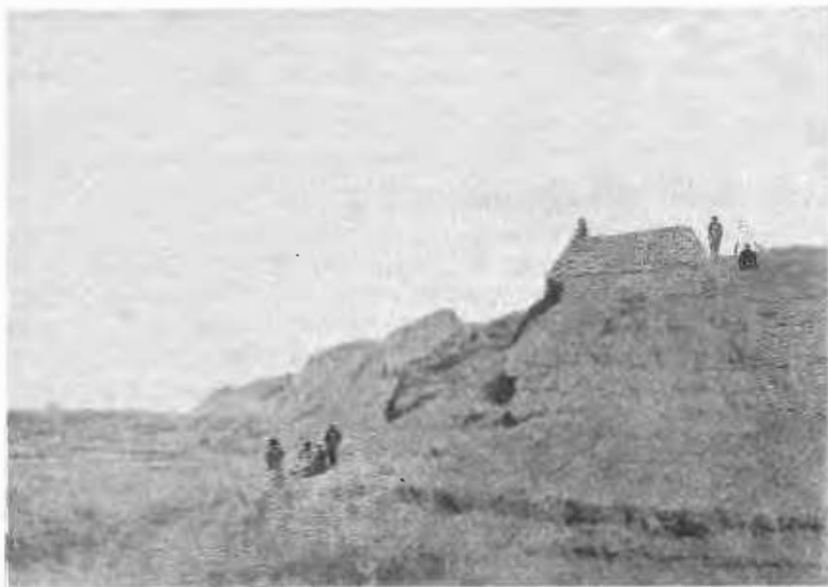
Часовъ въ девять утра пріѣхалъ Алихановъ. Съ нимъ выѣхали изъ Мерва всѣ четыре хана, присягавшіе въ Асхабадѣ и назначенные, съ производствомъ въ майоры, начальниками четырехъ родовыхъ отдѣловъ мервскихъ туркменовъ. Прибыли также съ ханами всѣ старшины (аксакалы) всѣхъ мервскихъ племенъ, числомъ около 300 человекъ и пять туркменъ-сарыковъ изъ Іолатана, намѣревавшіеся просить о принятіи и ихъ въ русское подданство.

Не доѣзжая версты двѣ до нашего лагеря, ханы и ихъ спутники остановились за горкой, «ожидая приказаній».

Въ дѣйствительности они, по азіатскому обыкновенію, ожидали не приказаній, а исхода надвигавшейся вооруженной борьбы Каджаръ-хана съ генераломъ Комаровымъ. Если бы, паче чаянія, побѣдилъ Каджаръ-ханъ, то наши друзья, безъ всякаго сомнѣнія, присоединились бы къ нему и стали бы вмѣстѣ съ нимъ дѣлать русскую добычу. А такъ какъ побѣдили русскіе, то ханы и ихъ приверженцы сохранили вѣрность намъ. А пока наши ханы сообщали намъ исправно о всѣхъ движеніяхъ враждебныхъ намъ мервцевъ. Вполнѣ возможно, что они освѣдомляли также послѣднихъ о распоряженіяхъ генерала Комарова. А. В. все это прекрасно понималъ, но въ своихъ сношеніяхъ съ ханами выказывалъ имъ неизмѣнно дружбу и надлежащее довѣріе, которое они, впрочемъ, на дѣлѣ вполнѣ оправдали.

Алихановъ по приѣздѣ доложилъ, что, несмотря на отмѣченное имъ наканунѣ спокойствіе, сегодня всѣ сторонники Каджаръ-хана по почину Сіяхъ-Пуша произвели въ Мервѣ безпорядки и выступили навстрѣчу русскому отряду.

Черезъ нѣсколько часовъ ханы извѣстили генерала, что Каджаръ-ханъ на него наступаетъ и подойдетъ къ отряду около двухъ часовъ ночи. Ввиду этого генераль приказалъ придать расположенію отряда вокругъ воды видъ карре. Но по причинѣ малочисленности войска и необходимости оборонять всѣ пути къ прѣсноводному озеру наше карре имѣло только три фаса, четвертый за-

Крѣпость Мервъ. Западный фасъ.

мѣняла пѣхотная цѣпь. Верблюды, относившіеся невозмутимо-безразлично ко всему, что вокругъ нихъ происходило, и обозъ были собраны въ срединѣ карре, и тутъ же стояли кибитки генерала Комарова и его переводчика, которыя ничѣмъ другъ отъ друга не отличались, и палатки Лессара и моя.

Взводъ ахаль-текинскихъ милиціонеровъ (18 человекъ), вооруженныхъ берданками, былъ высланъ впередъ, по тому направленію, откуда ожидался Каджаръ-ханъ, а двѣ сотни Таманскаго казачьяго полка держали разѣзды.

Въ третьемъ часу ночи послышались выстрѣлы съ той стороны, гдѣ стояли милиціонеры: наступавшіе туркмены наткнулись на нихъ, завязали перестрѣлку. Каджаръ-ханъ впослѣдствіи раска-

заль мнѣ, что его люди потеряли при этомъ 4 убитыми и 9 ранеными. У милиціонеровъ потерь не оказалось. Одного молодого туркмена изъ числа сторонниковъ Каджаръ-хана лошадь, испуганная выстрѣлами, занесла прямо въ нашъ лагерь, гдѣ его арестовали.

Вскорѣ все затихло.

Казачій развѣздъ выяснилъ, что непріятель отступилъ, а когда я побѣхалъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, я встрѣтилъ посланныхъ отъ нашихъ хановъ съ докладомъ генералу. По ихъ свѣдѣніямъ, люди Каджаръ-хана, убѣдившись въ томъ, что каакъ уже окруженъ русскими, нуждаясь сами въ водѣ, вернулись въ Мервѣ. Мы еще не дошли до дѣйствовавшихъ оросительныхъ каналовъ оазиса и потому непріятелю, какъ и намъ, чтобы удержаться въ степи, надо было воспользоваться водою Карибъ-ата. Опоздавъ къ водѣ и не надѣясь отбить ее у насъ, мервцы по необходимости ушли.

III.

Чтобы дать отдыхъ отряду послѣ ночи, проведенной отчасти подъ ружьемъ, генераль Комаровъ рѣшилъ остаться въ Карибъ-ата еще одинъ день. Вѣроятно, А. В. хотѣлъ также уяснить себѣ значеніе вчерашняго нападенія и отношеніе къ послѣднему туземцевъ.

Туркмены стали уже съ утра стекаться попрежнему къ нашему лагерю, предлагая на продажу хлѣбъ, фуражъ и барановъ.

Наши ханы со своими всадниками попрежнему же держались за горкой, сообщая, однако, генералу все, что происходило въ Мервѣ. Вскорѣ они донесли, что по направленію къ степи собралась группа вчерашнихъ нашихъ противниковъ. Генераль Комаровъ тотчасъ приказалъ взводу ахаль-текинскихъ милиціонеровъ, подъ начальствомъ русскаго урядника, отправиться туда на развѣдку.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря милиціонеры обнаружили человѣкъ 150 конныхъ вооруженныхъ мервцевъ, со знаменемъ.

Недолго думая, взводъ стремительно атаковалъ ихъ въ шашки. Нѣсколько мервцевъ было убито. Остальные бѣжали, унося съ собою раненыхъ, въ числѣ которыхъ оказался сынъ Каджаръ-хана. У насъ потерь не было.

Этотъ случай подтвердилъ наглядно, что туркмены, при надлежащей организаціи, обладаютъ полезными боевыми качествами. Что же касается того факта, что туркмены ахаль-текинцы такъ охотно сразились съ туркменами мервѣ-текинцами, то онъ объясняется отсутствіемъ у туркменовъ вообще сознанія племенного единства, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что ахаль-текинскіе милиціонеры очень гордились и дорожили своимъ недавнимъ званіемъ русскихъ воиновъ, а также присвоеннымъ имъ казачьими погонами и

жаждали проявить на дѣлѣ свою доблесть и свое превосходство надъ туземцами, не удостоенными чести русской службы.

Тотчасъ послѣ присоединенія Мерва, генераль Комаровъ сформировалъ и тамъ сотню туземной милиціи и тѣмъ далъ, какъ и въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, почетное, достаточно прибыльное ¹⁾ и безопасное для мирнаго населенія воинское занятіе самымъ закоренѣлымъ и отважнымъ мервскимъ аламанщикамъ. Они вскорѣ сослужили генералу хорошую службу въ сраженіи съ афганцами при Кушкѣ.

Въ тотъ же день, около полудня, когда я сидѣлъ къ кибиткѣ А. В. Комарова, ему доложили, что ѣдетъ главный мервскій мулла.

Генераль приказалъ его принять. Черезъ нѣсколько минутъ къ кибиткѣ подъѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, высокій, благообразный старикъ съ длинной сѣдой бородой, въ бѣлой одеждѣ и огромной бѣлой чалмѣ.

Спѣшившись, поддерживаемый подъ руки слугами, мулла вошелъ въ кибитку и обратился къ генералу Комарову съ длиннымъ и цвѣтистымъ привѣтствіемъ. Онъ выразилъ радость по случаю прибытія генерала въ Мервъ и благодарность Бѣлому царю за согласіе принять мервскій народъ подъ свою высокую руку, а также увѣренность, что съ этихъ поръ для Мерва начнется новая эра спокойствія и благоденствія.

Въ отвѣтъ генераль высказалъ муллѣ, что онъ съ удовольствіемъ видитъ передъ собой главу мервскаго духовенства, и, повторивъ успокоительныя завѣренія своей прокламаціи, просилъ муллу вліять на своихъ соотечественниковъ для укрѣпленія въ нихъ тѣхъ чувствъ благодарности и преданности русскому царю, на которыя мулла только что указалъ.

Падали чай, и дружественная бесѣда затянулась.

Въ самомъ концѣ ея мулла сказалъ генералу: «Народъ нашъ темный и дикій, и въ его средѣ есть глупые люди, которые испугались появленія русскихъ войскъ и не понимаютъ всей пользы, которая отъ этого должна произтечь. Такъ, вчера нѣсколько подобныхъ людей вышли изъ Мерва, и одинъ изъ нихъ, неразумный юноша, попалъ въ вашъ лагерь. Ввиду дружбы, которую вы теперь оказываете мнѣ, позвольте мнѣ взять его съ собой».

¹⁾ Милиціонеръ получалъ жалованія по 25 рублей въ мѣсяцъ со своею лошадью и одеждой и на своемъ иждивеніи. Отъ казны отпускалась еще винтовка и патроны. Милиціонеры рассказывали мнѣ, что нападеніями на пограничныхъ персіянъ они зарабатывали и больше 300 рублей въ годъ, но зато они рисковали попасть въ плѣнъ и быть посаженными на колъ. Такимъ образомъ, служба русскому правительству представлялась имъ предпочтительнѣе и въ смыслѣ матеріальной обезпеченности. Обыкновенно милиціонерамъ поручалось содержаніе карауловъ и разъѣздовъ вдоль границъ Закаспійской области.

А вт.

10*

Генераль отвѣтилъ: «Я вамъ его дарю», и приказалъ тотчасъ привести вчерашняго плѣнника съ его лошадыю и оружіемъ—шашкой и ружьемъ.

Мулла разсыпался въ выраженіяхъ признательности, слуги увели его, усадили на коня, и мулла съ освобожденнымъ туркменомъ вернулись въ Мервъ.

— Отчего вы возвратили плѣнному оружіе?—спросили затѣмъ нѣкоторые изъ насъ генерала.—Вѣдь онъ сегодня ночью будетъ въ насъ же опять стрѣлять.

— Оттого, что у мервцевъ будетъ однимъ ружьемъ больше или меньше, наше положеніе не измѣнится,—отвѣтилъ Александръ Виссаріоновичъ:—а отдалъ я муллѣ не только плѣннаго, но и его ружье для того, чтобы туркмены знали, что мыѣ на нихъ...

Въ этомъ выраженіи à la Камбронъ отразилась вся система отношеній Комарова къ туркменамъ: убѣждать ихъ въ своемъ сознаніи нашего неизмѣримаго превосходства и вмѣстѣ съ тѣмъ, проявлять по отношенію къ туземцамъ дѣйствительную справедливость, доброту и ласку.

Вечеромъ были приказано готовиться къ переходу въ аулъ Овазъ-Топазъ, расположенный всего верстахъ въ восьми отъ мервской крѣпости Коушутъ-Ханъ-Кала. Названный аулъ находился въ отдѣлѣ упомянутаго выше Сары-Батырь-хана, и тотъ распорядился устроить черезъ многочисленные оросительные каналы (арыки), пересѣкающіе путь, мосты, достаточно широкіе для прохода ротныхъ повозокъ и находившейся при отрядѣ артиллеріи.

Выступивъ утромъ 29-го февраля, отрядъ прошелъ верстъ пять безъ всякихъ инцидентовъ, переправляясь черезъ арыки (нѣкоторые изъ нихъ были шириною до 2-хъ саж.) по мостамъ гостепріимнаго Сары-Батыря.

Но туркменскіе милиціонеры, которые ѣздятъ на собственныхъ породистыхъ текинскихъ жеребцахъ, мало пользовались мостами и вызывали въ насъ невольное удивленіе той легкостью, съ которой они могли скакать здѣсь въ любомъ направленіи во весь опоръ, какъ по ровному мѣсту, перепрыгивая черезъ рвы съ водой лучше, чѣмъ на какой бы то ни было западно-европейской парфорсной охотѣ. Текинскія лошади, какъ извѣстно, выработали, благодаря столѣтней тренировкѣ, особый типъ крупнаго, смѣлаго и неутомимаго скакуна, во многомъ похожій на чистокровную англійскую лошадь. Когда въ 1861 году туркмены разбили на голову подъ Мервомъ многотысячную персидскую армію, захватили всѣ пушки и обратили въ рабовъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ персидскихъ воиновъ, туркменскіе всадники менѣе чѣмъ въ сутки доскакали до персидской крѣпости Серахсъ, отстоящей болѣе чѣмъ на 100 верстъ отъ Мерва, и разграбили ея окрестности прежде, чѣмъ туда дошла вѣсть о гибели персидскаго войска.

Около полудня, когда отрядъ уже приближался къ Оба-Овазъ-Топазъ, мы услышали впереди пушечные выстрѣлы. Оказалось, что приверженцы Сіяхъ-Пуша и Каджаръ-хана, не обезкураженные вчерашнимъ и сегодняшнимъ опытами, втащили на брустверь крѣпости Мервъ (Коушутъ-Ханъ-Кала) нѣсколько персидскихъ пушекъ изъ числа оставшихся у нихъ послѣ побѣды 1861 года и, собравъ по подпискѣ денегъ на покупку пороха, стали стрѣлять изъ этихъ орудій по направленію надвигавшагося русскаго отряда. Такая стрѣльба не могла причинить отряду ни малѣйшаго вреда, и цѣлю ея могло быть только если не устрашеніе русскихъ, то поднятіе духа враждебныхъ намъ туркменъ.

Такъ какъ выстрѣлы не прекращались, нѣкоторые изъ офицеровъ обратились къ генералу Комарову съ просьбой—дозволить имъ взять крѣпость Мервъ. Соблазнъ, дѣйствительно, былъ большой. Штурмъ Мерва былъ бы историческимъ событіемъ, которое принесло бы его участникамъ славу, георгіевскіе кресты и другія награды. Съ точки зрѣнія военной карьеры, это былъ для всѣхъ чиновъ мервскаго отряда исключительно благопріятный случай отличиться.

Но А. В. Комаровъ понималъ глубоко и честно не только свое тактическое положеніе, но и лежавшую на немъ политическую отвѣтственность.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—мы пришли сюда не воевать, а умиротворять. Оставимъ ихъ. Завтра они сами уйдутъ.

Мнѣ генералъ объяснилъ, что неорганизованныя скопища туземцевъ, не имѣя при себѣ продовольствія, не могутъ долго держаться въ одномъ мѣстѣ. Поэтому, если сегодня въ Коушутъ-Ханъ-Кала собралось нѣсколько тысячъ мервцевъ, черезъ сутки значительная часть ихъ должна будетъ разойтись. Но главнымъ мотивомъ Александра Виссаріоновича была непоколебимая рѣшимость его сохранить за русскимъ занятіемъ Мерва тотъ характеръ добровольнаго и мирнаго подчиненія этого края русской власти, который до тѣхъ поръ былъ неизмѣнно и послѣдовательно присваиваемъ генераломъ всему этому походу.

Въ часъ дня отрядъ сталъ бивуакомъ, нѣсколько пройдя Оба-Овазъ-Топазъ, въ сторону Мерва. Кругомъ—мѣстность, занятая пашней, совершенно плоская, но перерѣзанная цѣлою сѣтью оросительныхъ каналовъ. Лагерь былъ разбитъ, какъ при Карибъ-ата. Верблюды, обозъ, кибитки и палатки въ срединѣ, войсковыя части по окружности.

Наши ханы слѣдовали весь день параллельно отряду, держась отъ него верстахъ въ двухъ или трехъ, и остановились на ночлегъ въ такомъ же разстояніи отъ нашего лагеря.

Къ вечеру они донесли генералу, что Каджаръ-ханъ на него нападетъ этой ночью, въ двѣнадцатомъ часу.

Къ назначенному времени все было готово для встрѣчи непріятеля. Вокругъ обозовъ и палатокъ было опять образовано карре; но въ виду того, что тутъ не было надобности окружать довольно большой водоемъ, какъ въ Карибъ-ата, оказалось возможнымъ придать этому построению полные четыре фаса. На каждомъ было выставлено около одной роты развернутымъ фронтомъ, въ двѣ шеренги. Фасамъ была присвоена нумерація, первымъ считался сѣверный. Людямъ было приказано стоять локоть къ локтю; окоповъ не было—все какъ въ наполеоновскія времена, соответственно, однако, мѣстнымъ тактическимъ условіямъ. Стрѣльба должна была производиться только залпами, по командѣ. Прицѣлъ на триста шаговъ. Весь отрядъ былъ вооруженъ берданками, отличнымъ ружьемъ, которое въ послѣднюю турецкую кампанію 1877—1878 гг. имѣлось только у гвардіи.

У мерицевъ было самое разнокалиберное оружіе, образчикъ котораго мы видѣли у нашего недавняго плѣнника.

Въ ожиданіи нападенія генераль со своимъ штабомъ обходилъ фронтъ. Была теплая ясная ночь, и полная луна освѣщала открытую мѣстность на далекомъ разстояніи.

— Какъ хорошо, что теперь полнолуніе!—сказалъ я генералу.

— Я это рассчиталъ,—отвѣтилъ онъ. Тогда я понялъ, почему, при моемъ отъѣздѣ изъ Асхабада, А. В. Комаровъ предложилъ мнѣ встрѣтиться въ Карры-Вентъ именно 22-го февраля. Это было за недѣлю до полнолунія. Очевидно, А. В. предвидѣлъ, что если будетъ сопротивленіе со стороны мерицевъ, то оно выразится въ видѣ ночныхъ нападеній. Такъ и вышло.

Около полуночи, издали противъ сѣвернаго фаса карре, раздались крики: «алла, алла!» Начались и зачастили выстрѣлы, зажужжали надъ нами пули и скоро стало видно, какъ плѣшіе туркмены, перебираясь ползкомъ черезъ возвышенныя края арыковъ, густой толпой шли на приступъ лагеря.

Свистъ пуль напомнилъ мнѣ балканскій походъ. Но турецкій огонь, хотя тоже безпорядочный, былъ все-таки несравненно серьезнѣе туркменскаго.

Я стоялъ около генерала у сѣвернаго фаса, когда по близости послышался стонъ. Пуля попала въ животъ одному изъ стрѣлковъ. Къ утру онъ скончался.

Люди держали ружья наготовѣ, со спокойнымъ вниманіемъ ожидая команды. Туркмены все приближались. Ихъ папахи (большія шапки изъ бараньяго мѣха) ясно вырисовывались на открытомъ горизонтѣ. Скоро крики «алла» достигли высшаго напряженія и обратились въ вой. Когда мерицы подошли, на глазомѣръ, на триста шаговъ, прозвучала команда: «Первый фась, залпами, пли».

Раздался дружный, какъ на ученіи, залпъ сѣвернаго фаса. Люди

затѣмъ тотчасъ зарядили ружья и снова, по командѣ, произвели залпы: второй и третій.

Наступило гробовое молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ генераль послалъ сотню впередъ осмотрѣть мѣстность. Казаки насчитали въ полѣ шестнадцать туркменскихъ труповъ. Остальные мёртвыцы исчезли. Наша потеря ограничилась смертельно раненымъ стрѣлкомъ.

Пока генераль Комаровъ находился у фронта отряда, въ срединѣ лагеря произошелъ слѣдующій трагикомическій инцидентъ.

Переводчикъ генерала, Таировъ, состоявшій официально штатнымъ русскимъ коммерческимъ агентомъ въ Буджнурдѣ и Кучанѣ, персіянинъ по происхожденію, послѣдовалъ, съ начала дѣла, обычаю персидскихъ генераловъ, т.-е. залегъ въ своей кибиткѣ. Она была расположена, какъ и всегда, рядомъ съ кибиткой генерала Комарова.

Вдругъ поднимается войлокъ на кибиткѣ Таирова, и въ нее вползаетъ съ обнаженной шашкой въ рукѣ туркменъ.

Переводчикъ закричалъ, мёртвца схватили и обезоружили и на вопросъ, для чего онъ пришелъ, онъ смѣло отвѣтилъ: «Я хотѣлъ убить генерала».

Оказалось, что пока общее вниманіе было обращено въ ту сторону лагеря, гдѣ началась стрѣльба, этотъ туркменъ сумѣлъ незамѣтно пробраться въ средину лагеря и, думая, что русскій генераль по персидскому примѣру сидитъ въ своей кибиткѣ, вошелъ въ ту, въ которой онъ увидѣлъ огонь. На его несчастье, это была только кибитка переводчика.

Убѣдившись въ бѣгствѣ мёртвцевъ, генераль Комаровъ приказалъ скомандовать отбой и вернулся въ свою кибитку.

Доложенное ему тамъ извѣстіе о покушеніи мёртвца поставило генерала въ очень затруднительное положеніе. Оставить этотъ поступокъ безнаказаннымъ было невозможно. Но судить и разстрѣлять или повѣсить преступника было крайне нежелательно для русскихъ: казненный былъ бы сочтенъ мученикомъ за вѣру и родину, и память о немъ, окруженная этимъ ореоломъ, могла бы долго затруднять упроченіе среди мёртвцевъ расположенія къ русскимъ.

Изъ этого затрудненія генераль нашелъ слѣдующій чрезвычайно мудрый выходъ.

Онъ позвалъ къ себѣ упомянутого выше Сары-Батырь-хана, на территоріи котораго мы находились, и сказалъ ему:

— Я твой гость, этотъ человѣкъ хотѣлъ меня убить, отдаю его тебѣ, дѣлай съ нимъ, что хочешь!

Ханъ вывелъ мёртвца за черту лагеря и застрѣлилъ. Утромъ я видѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи за нашей цѣпью его обнаженный трупъ. Образъ дѣйствія Сары-Батырь-хана соотвѣтство-

валъ мѣстному обычаю и удовлетворялъ требованіямъ туркменской этики. Объ убитомъ забыли.

На слѣдующій день отрядъ достигъ безъ дальнѣйшихъ препятствій своей цѣли—крѣпости Мервъ или Кошутъ-Ханъ-Кала.

IV.

Крѣпость Мервъ изображена на прилагаемыхъ двухъ фотографическихъ снимкахъ, сдѣланныхъ А. В. Комаровымъ и сохранившихся у меня.

Первый представляетъ видъ западной крѣпостной стѣны, къ рѣкѣ Мургабу. Второй—южный фасъ. Стѣны сдѣланы изъ земли и глины, и сама крѣпость того же типа, что Геокъ-Тепе: удлиненный прямоугольникъ, внутри котораго могло бы укрыться все мѣстное туркменское племя въ случаѣ вражескаго нашествія ¹⁾.

Такое нашествіе предвидѣлось со стороны русскихъ послѣ взятія ими Хивы въ 1873 году.

Подъ впечатлѣніемъ этого событія, тогдашнему единовластному правителю Мерва Кошутъ-хану удалось уговорить всѣ племена Мервъ-Теке приступить къ постройкѣ крѣпости, которая сохранила имя Кошутъ-хана. Каждое изъ четырехъ отдѣленій мервскаго народа должно было построить одну изъ стѣнъ. Три отдѣленія исполнили свой долгъ, а въ четвертомъ начались раздоры, и сѣверная стѣна такъ и осталась не доконченной. Когда опасенія русскаго нашествія со стороны Хивы улеглись, крѣпость забросили. За немѣніемъ прочной центральной власти, некому было заботить ни объ окончаніи ея, ни о ея ремонтѣ. Такимъ образомъ, къ нашему быстро рѣшенному и осуществленному прибытію въ Мервъ Кошутъ-Ханъ-Кала оказалась во многихъ мѣстахъ развалившейся и утратившей всякое тактическое значеніе. Крѣпость эта, однако, являлась символомъ и средоточіемъ независимой политической жизни мервскаго народа, а занятіе ея русскимъ отрядомъ не могло не означать въ глазахъ мервскихъ туркменъ дѣйствительное установленіе надъ ними русской власти.

Подходя къ крѣпости, мы убѣдились въ вѣрности вчерашняго предсказанія генерала Комарова: мервцы ее покинули. На западномъ брустверѣ еще стояли тѣ мѣдныя персидскія пушки, длиною отъ четырехъ до семи футовъ, калибромъ въ четыре и шесть дюймовъ, изъ которыхъ наканунѣ мервцы противъ насъ стрѣляли. Внутренность крѣпости представляла собою огромный парал-

¹⁾ По протяженію и профилю, Кошутъ-Ханъ-Кала значительное крупнѣе Геокъ-Тепе. По сдѣланнымъ мною 1-го же марта измѣреніямъ, высота стѣнъ равнялась 49 фут., глубина рва 18 ф. 5 д., ширина основанія стѣнъ 59 фут., ширина волганга 18 фут. и ширина бруствера 3 фута 6 дюймовъ.

лелограммъ, занятый пашнями и нѣсколькими садами. Нигдѣ не было видно ни души.

Съ лѣваго берега рѣки Мургаба на правый, восточный, за которымъ въ ста пятидесяти шагахъ начинается ровъ крѣпости, вель мостъ длиною въ сорокъ шаговъ. Онъ годился только для пѣшеходовъ и выюковъ, и потому генераль Комаровъ остановилъ отрядъ на лѣвомъ берегу Мургаба. На томъ же берегу, нѣсколько ниже по теченію, находилась центральная базарная площадь оазиса съ нѣсколькими глинобитными лавчонками. Тамъ уже съ вечера 1-го марта стали собираться продавцы русскихъ туземныхъ товаровъ, въ надеждѣ на покупки со стороны русскихъ.

Туркестанскіе рабочіе, строящіе русское укрѣпленіе.

Слѣдуя своей системѣ, генераль Комаровъ приказалъ покупать все, что намъ требовалось, за хорошую цѣну и за наличныя деньги.

Утромъ 2-го марта базаръ окончательно оживился и выяснилось, что отрядъ вполнѣ обезпеченъ продовольствіемъ.

Нижнимъ чинамъ было запрещено выходить за черту лагеря безъ особаго разрѣшенія. Но офицеры свободно гуляли повсюду, и 2-го марта самъ А. В. Комаровъ пошелъ внутрь крѣпости.

Онъ пригласилъ меня съ собою и, взявъ только своего ординарца, кавказца, перешелъ пѣшкомъ черезъ мостъ, направился черезъ одинъ изъ обваловъ стѣны къ упомянутымъ выше пашнямъ и началъ тамъ собирать жуковъ.

Я уже упомянулъ, что одной изъ ученыхъ спеціальностей генерала Комарова была энтомологія. Посвятивъ себя изученію *Coleoptera*—жесткокрылыхъ или жуковъ, Александръ Виссаріоновичъ достигъ въ этой области науки европейской извѣстности и переписывался съ главнѣйшими энтомологами Стараго и Новаго Свѣта, которыми наименованіе *Somagovia* присвоено нѣсколькимъ открытымъ имъ новымъ видамъ жуковъ. Можно себѣ представить, какой находкой для энтомолога явилась возможность первому въ исторіи искать жуковъ въ Мервѣ. Дѣйствительно, можно съ увѣренностью полагать, что ни при Александрѣ Македонскомъ, ни при Сассанидахъ, ни при всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ завоевателяхъ и правителяхъ Мерва никто не собиралъ тамъ жесткокрылыхъ. И Александръ Виссаріоновичъ занялся своимъ ученымъ дѣломъ внутри Кошутъ-Ханъ-Кала съ такимъ же рвеніемъ и спокойствіемъ, какъ будто онъ находился гдѣ-нибудь въ Тамбовской губерніи. Онъ нашелъ нѣсколько новыхъ видовъ жуковъ и тщательно клалъ свои пріобрѣтенія въ соотвѣтственную баночку, которую всегда носилъ въ карманѣ.

Смѣю думать, что у генерала былъ при этомъ и другой умыселъ. Отправляясь въ походъ, вътроемъ, всего при шашкѣ, версты за двѣ отъ своего лагеря внутрь крѣпости, на которой еще стояли наведенныя на него тому двое сутокъ орудія, занимаясь тамъ беззаботно энтомологическими изслѣдованіями, начальникъ Закаспійской области показывалъ наглядно туземцамъ Мерва, что подчиненіе ихъ ему закончено и что онъ въ Мервѣ—у себя дома.

Туркмены, съ любопытствомъ наблюдавшіе издали за прогулкой генерала, не могли не вынести такого впечатлѣнія.

Но результатомъ этой прогулки было не только плѣненіе нѣсколькихъ жуковъ. Генералъ, осмотрѣвъ правый берегъ Мургаба, выбралъ мѣсто для немедленной постройки русскаго укрѣпленія, получившаго названіе Александровскъ на Мургабѣ. Оно было расположено между правымъ берегомъ рѣки и рвомъ Кошутъ-Ханъ-Кала. Состоявшій при отрядѣ саперный оберъ-офицеръ, даровитый и симпатичнѣйшій Зацѣлинскій—Богъ знаетъ, гдѣ онъ теперь?—быстро составилъ планъ укрѣпленія; нашелся подрячикъ-персіянинъ, и сами мѣстные туркмены, хорошіе землекопы, принялись, при достаточной платѣ наличными, за работу.

На прилагаемой фотографіи, снятой генераломъ Комаровымъ, изображена группа этихъ мервцевъ. Налѣво видна часть рѣки Мургаба.

Несмотря на наружное спокойствіе и увѣренность генерала Комарова въ успѣхъ, и хотя отрядъ уже 2-го марта сталъ окончательно лагеремъ на правомъ берегу Мургаба у Кошутъ-Ханъ-Кала, дѣло нельзя было считать окончательно выиграннымъ, пока

оставались на свободѣ и въ мервскомъ оазисѣ виновники прошедшей смуты, Сіяхъ-Пушъ и Каджаръ-ханъ.

Вопросъ этотъ рѣшился, однако, быстро и просто.

Наши ханы, само собой разумѣется, стали окончательно на сторону генерала Комарова вслѣдъ за неудачей нападенія 29-го февраля. И чтобы доказать свою преданность русской власти и дабы избѣгнуть кое-какихъ нареканій по поводу двусмысленности ихъ предшествовавшаго образа дѣйствія, они послали своихъ людей за Сіяхъ-Пушемъ и Каджаръ-ханомъ, которые съ небольшимъ числомъ преданныхъ сторонниковъ бѣжали изъ Мерва вверхъ по Мургабу, по направленію къ Афганистану. Они были всѣ схвачены безъ сопротивленія и привезены въ русскій лагерь.

Генераль Комаровъ посадилъ ихъ подъ арестъ и попросилъ меня допросить Сіяхъ-Пуша, его трехъ учениковъ-мюридовъ и Каджаръ-хана.

Послѣдній былъ пожилой туркменъ высокаго роста, съ энергичнымъ лицомъ, честолюбивый, богатый и храбрый. Онъ считался въ 1880 году ханомъ всего Мерва и даже ѣздилъ въ Тегеранъ въ этомъ качествѣ для переговоровъ о подчиненіи Мерва Персіи.

Присоединеніе Мерва къ русскимъ владѣніямъ, сопровождавшееся назначеніемъ четырехъ хановъ, по одному на каждое отдѣленіе мервскаго народа, должно было положить конецъ его призрачному господству и лишить его, какъ извѣстнаго врага русскихъ, всякой будущности. Этими личными обстоятельствами Каджаръ-хана умѣло воспользовался Сіяхъ-Пушъ для того, чтобы, эксплуатируя его самолюбіе, круглое невѣжество и умственную ограниченность, обратить его въ слѣпое орудіе своихъ замысловъ.

Сіяхъ-Пушъ дѣйствовалъ также на религіозную сторону Каджаръ-хана, убѣдилъ его въ своей святости и въ состоявшемся будто появленіи на свѣтъ Махди и безповоротно подчинилъ себѣ его душу. Потерявъ раненымъ сына и состояніе, погубивъ свою политическую карьеру, взятый въ плѣнъ и привезенный въ русскій лагерь, гдѣ, по его убѣжденію, его ожидала смертная казнь, Каджаръ-ханъ не только не проклиналъ виновника всѣхъ этихъ бѣдствій, Сіяхъ-Пуша, но продолжалъ ему вѣрить и сказалъ мнѣ, по окончаніи допроса: «Все-таки Сіяхъ-Пушъ человекъ безъ пороковъ».

Надо замѣтить, что среди мервскихъ туркменъ большинство относилось къ Сіяхъ-Пушу и къ проблемѣ русскаго господства гораздо умнѣе и дальновиднѣе, и если среди туркменъ все-таки нашлись люди, рѣшившіеся на насъ напасть, то это было, главнымъ образомъ, потому, что боевой опытъ мервцевъ исчерпывался стычками съ персидскими войсками.

— Мы думали,—говорили туркмены русскимъ послѣ 29-го февраля:—что вы будете, какъ персіяне, которыхъ мы привыкли

бить; если бы мы знали, что вы такъ стрѣляете, никогда бы не двинулись противъ вашего лагеря.

Примѣръ туркмена, который поплатился жизнью за то, что во время боя искалъ русскаго генерала не при его войскѣ, а въ его кибиткѣ, свидѣтельствуетъ о распространенности среди его соотечественниковъ вышеупомянутыхъ воззрѣній.

Кромѣ того, мевцы почти не участвовали въ оборонѣ Геокъ-Тепе противъ отряда Скобелева и не испытали лично ужаса этого пораженія. Но, зная, что снаряженіе крупнаго отряда Скобелева было вызвано предыдущей неудачей слабаго отряда Ломакіна, многіе мевцы колебались вступать въ вооруженную борьбу съ нашимъ отрядомъ, несмотря на его крайнюю малочисленность. «Мы боялись не васъ,—высказывали они намъ послѣ занятія Мерва:—а вашего слѣда». Другими словами, они пришли къ убѣжденію, что если бы они уничтожили отрядъ генерала Комарова, то взамѣнъ нашихъ четырехъ ротъ были бы присланы изъ Россіи четыре полка, а то и четыре бригады; однимъ словомъ, достаточно войскъ, чтобы Мервъ постигла участь Геокъ-Тепе. А что изъ Россіи могло прійти больше войска, чѣмъ было въ Мервѣ всѣхъ жителей, объ этомъ рассказали туземцамъ тѣ изъ ихъ числа, которые ѣздили въ Москву, за годъ передъ тѣмъ, на коронацію императора Александра III.

Мевцы изъ самыхъ почетныхъ были приглашены въ Москву вмѣстѣ съ депутаціей ахаль-текинцевъ и присутствовали на всѣхъ величественныхъ и блестящихъ коронаціонныхъ торжествахъ 1883 года и, въ томъ числѣ, на большомъ парадѣ собраннаго въ Москву войска. На этомъ парадѣ туркмены насчитали восемьдесятъ тысячъ солдатъ. «Но,—разсказывали они, вернувшись домой,—это войско одного брата, а у другого брата столько же войска». Это означало, что, по ихъ мнѣнію, видѣнное ими войско принадлежало великому князю Владимиру Александровичу, командовавшему парадомъ. У государя же Александра Александровича они предполагали такое же число солдатъ. Очевидно, бороться противъ такой огромной силы было бы безуміемъ. Однако, обдумывая шансы сопротивленія, мевцы даже пытались подсчитать, сколько недѣль нужно для того, чтобы русскій отрядъ могъ подойти по Волгѣ (sic) и Каспійскому морю до Мерва. Выводъ получился для нихъ неутѣшительный. Но они не знали, что Волга вплоть до Астрахани зимой замерзаетъ. Опытъ Каджаръ-хана подтвердилъ правильность взглядовъ той партіи, которая среди туркменъ Мерва была на сторонѣ мирнаго подчиненія Россіи и не поддавалась вліянію Сіяхъ-Пуша.

Къ воспоминаніямъ объ этой личности мы теперь перейдемъ.

V.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня Сіяхъ-Пушъ.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ подъ конвоемъ двухъ стрѣлковъ съ примкнутыми штыками, я увидѣлъ передъ собою человѣка лѣтъ тридцати, средняго роста, стройнаго, въ одеждѣ мусульманскаго дервиша, но безъ обычной остроконечной шапки, вѣроятно, утерянной имъ во время бѣгства.

Стоя передъ лицомъ смерти, будучи увѣренъ, что его, какъ зачинщика кровопролитія, сейчасъ казнятъ, онъ держалъ себя съ поразительнымъ уравновѣщеннымъ достоинствомъ.

Черты смуглаго лица Сіяхъ-Пуша были правильны и гармоничны. Длинные, съ выющимися концами черные волосы, которыхъ дервиши, какъ посвященные Богу, не стригутъ, ниспадали на плечи, раздѣленные на двѣ половины прямымъ проборомъ. Небольшая темная борода была слегка раздвоена. Его глаза, большіе, спокойные, глубокіе, черные, но какъ бы лучистые, были удивительны. А когда онъ заговорилъ, къ тому же на мелодичномъ, гибкомъ и изящномъ персидскомъ языкѣ, самый звукъ его голоса обладалъ такой чарующей прелестью, такимъ обаяніемъ и убѣдительностью, что я понялъ увлеченіе Сіяхъ-Пушемъ и вѣру въ него и повиновеніе ему несчастнаго Каджаръ-хана и прочихъ его приверженцевъ. Я понялъ также, какъ подвижники и пророки, какимъ Сіяхъ-Пушъ представлялся народу и какимъ, вѣроятно, былъ его современникъ, суданскій «Махди», могутъ при благоприятныхъ условіяхъ мѣста и времени, подымать мусульманскія массы на смертный бой съ «невѣрными», на самоотверженную жертву имуществомъ и самою жизнью для торжества внушенной имъ истины.

Допросъ Сіяхъ-Пуша и его трехъ учениковъ-мюридовъ, афганцевъ, длился три дня, такъ какъ мнѣ хотѣлось выяснитъ возможно полноѣ для себя и для генерала Комарова личность Сіяхъ-Пуша, а также сущность его дѣятельности. Мнѣ это удалось въ очень малой мѣрѣ.

Не страшась смерти и зная, что ему не грозитъ отъ русскихъ физическаго насилія, Сіяхъ-Пушъ сообщилъ о себѣ только то, что считалъ нужнымъ. Онъ скрылъ свое имя и происхожденіе, подтвердивъ лишь показанія его присныхъ, что онъ афганецъ, родившійся въ Сѣверо-Западной Индіи. Затѣмъ Сіяхъ-Пушъ систематически выставлялъ себя мирнымъ проповѣдникомъ истиннаго мусульманства, не понятымъ и не оцѣненнымъ дикими кочевниками-туркменами, которыхъ онъ стремился научить и облагодѣтельствовать.

— Свѣтъ,—говорилъ онъ мнѣ ¹⁾,—есть пашня для будущаго міра; люди суть пахари; я одинъ изъ пахарей добродѣтели.

Въ найденной у Сіяхъ-Пуша прокламаціи онъ объявлялъ, что извѣстіе о хуруджѣ (появленіи Махди) подтвердилось и въ настоящемъ году (1300 гиджры или 1883 отъ Рождества Христова) совершится. «Мы подыали знамя ислама, и, по преданію религіи ислама, въ послѣдніе дни явится нѣкто, который поощритъ и распространитъ ослабѣвшій шаріатъ (законъ пророка). Кто ученый, тотъ можетъ знать, что согласно Аяту и Хадису ²⁾, въ настоящемъ году долженъ совершиться хуруджъ, какъ объ этомъ говорятъ всѣ люди, созданные Богомъ. На свѣтъ появится личность Вели (любимый Богомъ), и, можетъ быть, Богъ направитъ насъ (Сіяхъ-Пуша) къ справедливому пути и быть путеводителемъ народа. По святости того лица, весь міръ можетъ быть въ блаженствѣ и не будетъ куфръ (невѣрія) на лицѣ земли по волѣ Божіей».

Возвѣщая наступленіе хуруджа, Сіяхъ-Пушъ добавлялъ, что имамъ Махди родился передъ появленіемъ прошлогодней кометы и явится въ міръ черезъ двадцать шесть лѣтъ, а до того Сіяхъ-Пушъ будетъ его наибомъ (намѣстникомъ) и будетъ наставлять народъ на добрый путь.

Мнѣ Сіяхъ-Пушъ высказывалъ, что самъ онъ и не очень хорошій и не очень дурной человѣкъ, и что только онъ оказался способнымъ прожить и не погибнуть среди такого народа, какъ туркмены. Далѣе онъ сознался, что въ политическомъ отношеніи онъ работалъ въ пользу афганскаго принца Эюбъ-хана.

Послѣдній, какъ извѣстно, только что передъ тѣмъ воевалъ изъ-за престола со своимъ родственникомъ Абдурахманъ-ханомъ, сдѣлавшимся при поддержкѣ англичанъ афганскимъ эмиромъ, и съ самими англичанами. Разбивъ на голову англійскій отрядъ у Майванда вблизи Кондагара, Эюбъ-ханъ осадилъ этотъ городъ, въ цитадели котораго заперся слабый англійскій гарнизонъ. Генераль Робертсъ своимъ знаменитымъ горнымъ походомъ изъ Кабула въ Кандагаръ спасъ его гарнизонъ и обратилъ въ бѣгство Эюбъ-хана. Тотъ скрылся въ Персію. Съ нимъ прибылъ туда Сіяхъ-Пушъ.

Когда Эюбъ-ханъ направился въ Тегеранъ продолжать тамъ происки относительно новаго похода въ Афганистанъ, Сіяхъ-Пушъ явился въ городъ Хафъ въ восточномъ Хорасанѣ, извѣстный своей святыней, заперся на пятьдесятъ дней въ мечети, мо-

¹⁾ Я поручилъ переводчику вести допросъ на персидскомъ языкѣ, такъ какъ я понималъ его, хотя и очень плохо, но все же лучше, чѣмъ туркменское нарѣчіе языка. Сіяхъ-Пушъ владѣлъ одинаково хорошо языками персидскимъ, туркменскимъ и индустанскимъ.

А в т.

²⁾ Изреченіямъ Корапа и сказаніямъ Магомета.

лился, постился и вышелъ оттуда Пиромъ (святымъ), вокругъ котораго стали собираться фанатики-ученики (мюриды).

Свое религіозное ученіе Сіяхъ-Пушъ хранилъ въ тайнѣ, согласно обыкновенію персидскихъ эзотерическихъ проповѣдниковъ «суфи» ¹⁾. Но своимъ мюридамъ онъ открылъ, что можетъ дѣлать чудеса и что онъ получаетъ откровенія отъ архангела Гавріила, который ему является, когда это допускаетъ соблюденіе имъ обрядовой чистоты. Мнѣ Сіяхъ-Пушъ высказалъ, что въ три-четыре дня нельзя узнать его и его ученія, но что если заняться долго, то можно этого достигнуть. У Сіяхъ-Пуши едва ли была какая-либо особенная религіозная доктрина, и я думаю, что главная его задача была не столько религіозная, сколько политическая.

Послѣ таинственныхъ скитаній по Хорасану, во время которыхъ возросла извѣстность Сіяхъ-Пуша и увеличилось число его послѣдователей, онъ перешелъ въ туркменскіе предѣлы, сначала въ Мервъ, а затѣмъ ближе къ Афганистану, въ Іолатанъ.

Распространяли свой авторитетъ среди темныхъ и легковѣрныхъ людей на почвѣ религіознаго чувства, выдавая себя за намѣстника Махди и дѣйствуя какъ на честолюбивыхъ главарей, такъ и на жадныхъ бѣдняковъ обѣщаніями власти и неслыханныхъ благъ, Сіяхъ-Пушъ, не имѣвшій самъ ни денегъ, ни оружія, сумѣлъ создать себѣ исключительное и вліятельное положеніе и сталъ готовить туркменъ къ подчиненію сильной и прочной мусульманской власти, которая бы защитила ихъ отъ нашествія гяуровъ (безразлично русскихъ или англичанъ) и, въ лицѣ могущественнаго вождя, установила бы въ мірѣ безраздѣльное царство правды и истинной вѣры. Осторожно онъ сталъ выяснять, что таковой властью долженъ быть для туркменъ Афганистанъ, а вождемъ Сердаръ-Эюбъ-ханъ, «съ которымъ вмѣстѣ Сіяхъ-Пушъ разбивалъ англичанъ на границахъ Индіи», и который самъ весной 1884 года долженъ былъ явиться среди туркменъ.

Вмѣсто Эюбъ-хана явился въ мервскій оазисъ генераль Комаровъ, а Эюбъ-ханъ, приблизительно въ это же время, былъ арестованъ въ Мешхедѣ, на пути въ Мервъ.

Сіяхъ-Пушъ не вѣрилъ въ серьезность ни мервскаго гентеша 1-го января, ни поѣздки депутаціи въ Асхабадъ для принесенія присяги русскому царю. Когда же русскій отрядъ двинулся неожиданно и быстро въ Мервъ, Сіяхъ-Пушъ, по его словамъ, чтобы не потерять среди туркменъ всѣ плоды двухлѣтнихъ усилій, не утратитъ своего религіознаго обаянія и не упуститъ Каджаръ-хана, оказался вынужденнымъ выступить открыто противъ русскихъ.

¹⁾ Такъ, впрочемъ, называлъ себя открыто одинъ изъ его учениковъ «суфи» Ахметъ-Кули, афганецъ.

На провозглашеніе джехада (священной войны) противъ насъ натолкнуло Сіяхъ-Пуша и чувство самосохраненія: иначе туркмены убили бы его, какъ русскаго шпіона. Въ этомъ смыслѣ многіе туркмены питали къ нему подозрѣніе, основанное, между прочимъ, на томъ фактѣ, что Сіяхъ-Пушъ писалъ и генералу Комарову, стараясь втянуть и русскихъ въ сложную сѣть своихъ происковъ.

Въ неуспѣхѣ вооруженнаго сопротивленія нашему отряду Сіяхъ-Пушъ винилъ, главнымъ образомъ, Каджаръ-хана. Въ дѣйствительности, самъ Сіяхъ-Пушъ не успѣлъ или не сумѣлъ ни организовать общее сопротивленіе русскимъ, ни обезпечить съ выгодой для себя безкровное подчиненіе мевцевъ русской власти.

Конечно, если бы Сіяхъ-Пушъ обладалъ не только личнымъ и религіознымъ обаяніемъ, но и рѣшительнымъ характеромъ и военными дарованіями своего суданскаго современника Магомета-Ахмета, то его агитація въ Средней Азіи могла бы принять гораздо болѣе крупное и широкое развитіе. Этому воспрепятствовало, прежде всего, то обстоятельство, что въ отличіе отъ суданцевъ и тамошнихъ арабовъ, туркмены въ религіозномъ отношеніи очень индифферентны, а персіяне, хотя и склонны къ мусульманскому сектантству, но, будучи шиитами, не легко поддаются внушеніямъ, исходящимъ изъ преимущественно суннитскихъ источниковъ мусульманскаго правовѣрія. Афганцы же издавна враждуютъ и съ туркменами и съ персіянами. Объединить эти разнородные элементы оказалось не подъ силу для Сіяхъ-Пуша. Задача усложнялась еще сравнительной близостью къ Мерву карры-бентскаго отряда, тогда какъ гораздо большія разстоянія отдѣляли суданскихъ махдистовъ отъ передовыхъ позицій англо-египетскихъ вооруженныхъ силъ.

Наконецъ, нельзя не признать, что на исходъ предпріятія Сіяхъ-Пуша повліяла неблагопріятно, хотя и косвенно, совпавшая съ умиротворительной дѣятельностью генерала Комарова переменъ въ направленіи внѣшней политики Англіи, вызванная переходомъ власти отъ лорда Биконсфильда къ Гладстону.

Либералы, какъ извѣстно, круто отказались отъ «spirited foreign policy», т.-е. отъ активной внѣшней политики предшествовавшаго консервативнаго кабинета. Въмѣсто того, чтобы продолжать наступленіе въ сторону Туркестана, устанавливая въ ущербъ афганцамъ «научную границу» и присоединять Кандагаръ, министерство Гладстона, напротивъ, рѣшило вернуться къ системѣ мира и дружбы въ Азіи и распорядилось безотлагательно вывести англійскія войска изъ Афганистана.

Вслѣдствіе этого, надежда на поддержку со стороны великобританскаго правительства, на которую могли бы рассчитывать наши средне-азіатскіе противники и которую, несомнѣнно, обѣ-

Развалины Султанъ-Санджаръ.

щали имъ дѣатели въ родѣ О'Донована, исчезла какъ разъ въ то время, когда произошло занятіе Мерва русскимъ отрядомъ.

Какъ бы то ни было, благодаря просвѣщенной умѣренности Комарова, мѣстные виновники и жертвы всѣхъ вышеизложенныхъ происковъ и совпаденій, Сіяхъ-Пушъ, Каджаръ-ханъ и схваченные съ ними ихъ сообщники не понесли уголовной кары за свои выступления.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii,

11

Мѣра, принятая по отношенію къ нимъ, свелась къ удаленію ихъ изъ Средней Азіи, дабы положить окончательный предѣлъ ихъ проносамъ въ этомъ краѣ. Она выразилась въ отправленіи означенныхъ лицъ на жительство въ городъ Калугу. Вѣроятно, этотъ городъ былъ выбранъ потому, что въ немъ въ шестидесятихъ годахъ былъ интернированъ знаменитый кавказскій имамъ Шамиль съ семьей и нѣкоторыми своими послѣдователями-мюридами.

VI.

Ликвидировавъ приключеніе Сіяхъ-Пуша, генераль Комаровъ предпринялъ поѣздку по восточной части Мервскаго оазиса, передъ своимъ возвращеніемъ въ Асхабадъ.

Лессаръ уже 4-го марта выступилъ съ нѣсколькими туркменами въ Толатанъ и Пендэ, дабы ознакомиться съ тамошними сарыками, туркменскимъ племенемъ, пограничнымъ съ Афганистаномъ и уже просившимъ о принятіи въ русское подданство.

Генерала сопровождали Алихановъ, назначенный начальникомъ Мервскаго округа, три офицера и я. Конвой же его состоялъ всего изъ двухъ сотенъ казаковъ, восьми ахаль-текинскихъ милиціонеровъ и нѣсколькихъ человѣкъ мервской милиціи, которую генераль уже началъ формировать по образцу ахаль-текинской. 10-го марта генераль Комаровъ выѣхалъ изъ Мерва на югъ, по направленію къ главной плотинѣ Мервскаго оазиса, на рѣкѣ Мургабѣ, называемой Коушутъ-Бентъ.

При этой поѣздкѣ, какъ и во время всѣхъ описываемыхъ операций, генераль Комаровъ преслѣдовалъ не только политическія и военныя цѣли, но и экономическія и научныя.

Такъ, личный объѣздъ новаго русскаго округа долженъ былъ показать туземцамъ, что не только Коушутъ-Ханъ-Кала, но и весь оазисъ дѣйствительно подчиненъ русской власти. Въ военномъ отношеніи, генерала озабочивалъ вопросъ о водоснабженіи новаго русскаго укрѣпленія на Мургабѣ, въ дѣлѣ обезпеченія котораго плотина Коушутъ-Бентъ имѣла капитальное значеніе. Отъ этой же плотины зависѣла и сельско-хозяйственная производительность всего оазиса. Названная плотина оказалась небольшою и крайне первобытною, очень похожей на Карры-Бентъ. Теперь она замѣнена превосходными гидротехническими сооружениями, которыя обезпечиваютъ правильное орошеніе всѣхъ туркменскихъ пашень, водоснабженіе желѣзнодорожной станціи и русскаго города Мерва, разросшагося вокругъ Александровскаго укрѣпленія, и сверхъ того доставляютъ необходимую воду славящемуся своими хлопковыми и иными плантаціями обширному мервскому Государеву имѣнію.

Осмотрѣвъ плотину, генераль Комаровъ направился въ ставку вдовы Нуръ-Верды-хана мервскаго Гуль-Джамаль, сыпъ которой юный Юсупъ-ханъ былъ назначенъ однимъ изъ новыхъ четырехъ правителей мервскаго народа. Эта замѣчательная женщина принимала, какъ подробно описано Алихановымъ, дѣятельное и полезнѣйшее участіе въ мирномъ рѣшеніи мервскаго вопроса.

Генераль передалъ ей всемилостивѣйшіе подарки: отъ императора Александра III—соболью шубу, покрытую парчой, и отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны—браслеты и другія цѣнныя золотыя и брильянтовые вещи.

Затѣмъ началась ученая экскурсія по развалинамъ древняго Мерва.

Персидскій городъ Байрамъ-Али, взятый приступомъ бухарскимъ эмиромъ въ 1783 году, сохранился, какъ живой памятникъ персидской культуры XVIII вѣка, съ улицами, банями, украшенными фресками, и мечетями. Онъ замеръ потому, что прекратилось водоснабженіе, и теперь на половину занесенъ сыпучими песками сосѣдней пустыни.

Развалины арабскаго Мерва группируются вокругъ могилы перваго проповѣдника магометанства среди мѣстныхъ послѣдователей Зороастра и христіанъ. Послѣдніе обитали въ Мервѣ въ значительномъ числѣ въ VIII вѣкѣ, когда въ Мервѣ былъ даже несторіанскій епископъ.

Арабская могила носитъ названіе Султанъ-Санджаръ и изображена на прилагаемой фотографіи, снятой генераломъ Комаровымъ.

Въ числѣ туземцевъ, собравшихся посмотреть на генерала, былъ одинъ не старый, бойкій и словоохотливый туркменскій мулла, который заявилъ, между прочимъ, Александру Виссаріоновичу, что онъ знаетъ «слово» отъ укуса змѣй.

Какъ разъ у названной могилы генераль, который, какъ всегда, искалъ новыхъ жуковъ, замѣтилъ подъ камнемъ довольно большую змѣю.

— Если ты знаешь заговоръ противъ змѣй,—сказалъ онъ муллѣ:—возьми вотъ эту.

Мулла нагнулся, ловкимъ движеніемъ схватилъ правой рукой змѣю за хвостъ, а лѣвой—сжалъ ей шею подъ челюстями.

Въ широко раскрытой пасти виднѣлись ядовитые бѣлые зубы. И вотъ мулла, не довольствуясь указаннымъ имъ молодечествомъ, вкладываетъ указательный палецъ правой руки прямо въ ротъ змѣѣ. Та вонзила острые зубы въ палецъ, и, когда мулла быстро его выдернулъ, впившіеся въ него зубы разорвали палецъ съ такимъ звукомъ, точно кто-нибудь рвалъ кусокъ коленкора. Изъ пальца хлынула кровь.

Разсерженный мулла перегрызъ змѣю зубами пополамъ, бросилъ обѣ ея половины на землю и отошелъ въ сторону, бормоча какія-то заклинанія.

Окончивъ осмотръ развалинъ, генералъ Комаровъ пригласилъ насъ, по обычаю, закусить: во время всего похода мы каждый день у него обѣдали. Сѣвъ на песокъ, всѣ принялись съ большимъ аппетитомъ за ѣду. Мнѣ помнится, что въ этотъ день я угощалъ генерала и спутниковъ блинами, которыя пекъ недурно въ степи мой слуга, когда ему удавалось добыть муки.

Къ концу обѣда къ генералу подошелъ туркменъ и доложилъ, что мулла просить водки: укушенная рука уже распухла почти до плеча ¹⁾. Водки съ нами не было, но въ моей дорожной флягѣ я берегъ съ полбутылки хорошаго коньяку. Вздохнувъ, я налилъ полный стаканъ и послалъ его муллѣ.

Подъ вечеръ, когда мы собрались ѣхать дальше, было получено извѣстіе, что опухоль не пошла дальше плеча и что мулла внѣ опасности.

Третья группа мервскихъ развалинъ именуется Искандеръ-Кала, т.-е. крѣпость Александра, и нѣтъ сомнѣнія, что высокая, занесенная пескомъ насыпь обозначаетъ мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ лагерь великаго македонца.

Дѣлать раскопки не позволяло время. Но генералъ Комаровъ, ученыя заслуги котораго, какъ археолога и нумизмата, были почтены незадолго передъ тѣмъ избраніемъ его въ предсѣдатели археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, нашелъ, порывшись немного, нѣсколько, несомнѣнно, эллинскихъ черепковъ и кусокъ стекла съ какими-то, повидимому, античными изображеніями.

Мы прибыли въ Мервъ на шестой день и вскорѣ за тѣмъ выступили на юго-западъ по направленію къ Асхабаду ²⁾.

Въ Серахсѣ къ генералу присоединился Лессаръ, прибывъ туда прямо изъ Пендѣ. Онъ былъ уже тогда настолько боленъ, что не могъ ѣхать верхомъ. Для него какъ-то достали арбу, едва надѣясь довести живымъ до Асхабада. Однако онъ прожилъ и проработалъ еще безъ малаго двадцать лѣтъ и скончался во время русско-японской войны.

Проводивъ генерала Комарова изъ Серахса, я продолжалъ путь на югъ, вдоль праваго берега Теджена.

Тутъ мнѣ привелось увидѣть, вѣроятно, первому изъ европейцевъ, Зюльфагарское ущелье, которое сыграло такую важную

¹⁾ Извѣстно, что алкоголь является противоядіемъ змѣйнаго укуса.

²⁾ Я оказался вынужденнымъ вернуться въ Петербургъ, такъ какъ получилъ въ Мервѣ извѣстіе о кончинѣ моего отца. Генералъ же Комаровъ рѣшилъ направиться въ Асхабадъ не черезъ Карры-Бентъ, а черезъ Серахсъ, для предотвращенія пограничныхъ недоразумѣній съ Персіей.

Авт.

роль въ русско-англійскихъ разграничительныхъ переговорахъ 1885 года ¹⁾).

Когда я вернулся въ Асхабадъ, я уже засталъ тамъ А. В. Комарова, продолжавшаго неустойчиво трудиться надъ устройствомъ ввѣреннаго ему новаго края.

Черезъ нѣсколько дней я выѣхалъ въ Петербургъ, сердечно простившись съ генераломъ Комаровымъ и сохранивъ о немъ на всю жизнь глубокое и признательное воспоминаніе.

Благодаря патріотической расчетливости и организаторскимъ дарованіямъ генерала Комарова, занятіе Мерва обошлось русской казнѣ всего въ 240.000 рублей, т.-е., какъ говаривалъ А. В. Комаровъ, «меньше, чѣмъ средней руки домъ въ Петербургѣ».

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ Мервскимъ оазисомъ, было включено генераломъ Комаровымъ въ предѣлы Россійской имперіи около 100.000 квадратныхъ верстъ территоріи значительной экономической цѣнности, которая не замедлила сказаться въ быстромъ развитіи скотоводства и земледѣлія, вслѣдъ за установленіемъ въ степи безопасности и порядка. А со времени арестованія Сіяхъ-Пуша и его сообщниковъ разбой и волненія среди туземцевъ совершенно прекратились и, думается, уже навсегда.

Съ исторической точки зрѣнія, занятіе Мерва замкнуло второй и послѣдній кругъ поступательнаго движенія Россіи въглубъ Средней Азіи.

За четверть вѣка передъ тѣмъ западно-сибирская и оренбургская «линіи» сомкнулись въ бассейнѣ рѣки Сыръ-Дарьи, благодаря походамъ Черняева и Верекина.

Въ Мервѣ аналогичнымъ образомъ передовые посты кавказскаго военнаго округа, въ составъ котораго входилъ тогда Закаспійскій край ²⁾, соприкоснулись съ областью вѣдѣнія туркестанскаго военнаго округа, уже включавшей Хиву, Бухару и лѣвый берегъ Аму-Дарьи.

Эта смычка выразилась наглядно въ боевомъ сотрудничествѣ подъ Кушкой 18-го марта 1885 года 3-го туркестанскаго линейнаго батальона съ батальонами закаспійской стрѣлковой бригады.

По окружности же новаго кольца легла вскорѣ, въ видѣ Средне-Азіатской желѣзной дороги, стальная цѣпь, которая соединила сквознымъ рельсовымъ путемъ Красноводскъ, Асхабадъ, Мервъ, Бухару, Ташкентъ и Оренбургъ и, по образному выраженію туркменъ, «приковала ихъ» навсегда къ владѣніямъ русскаго Царя».

¹⁾ См. «Афганское разграниченіе», стр. 82 и слѣд.

²⁾ Теперь онъ подчиненъ туркестанскому генералъ-губернатору.

Въ области виѣшной политики, присоединеніе Мерва положило благопріятное для Россіи начало подготавливавшемуся разграниченію сферъ вліянія Россіи и Англіи въ Средней Азійи и тѣмъ, какъ было упомянуто выше, способствовало устраненію вѣкового препятствія къ дружественному сближенію этихъ государствъ.

Заслуги генерала Комарова въ рѣшеніи мервскаго вопроса были высочайше отмѣчены пожалованіемъ ему ордена Бѣлаго Орла.

Я, по возвращеніи въ Петербургъ, удостоился у императора Александра III пріема, особая милость котораго никогда не изгладится изъ моей памяти. Оказалось, что мои письма съ похода были представляемы министерствомъ иностранныхъ дѣлъ его величеству и служили въ теченіе нѣкотораго времени почти единственнымъ источникомъ подробной освѣдомленности нашего правительства о ходѣ дѣлъ въ Мервѣ, настолько были тогда сложны и медленны официальные сношенія начальника Закаспійской области съ Петербургомъ, направлявшіяся черезъ Тифлисъ въ военное министерство. Вскорѣ затѣмъ мнѣ былъ предоставленъ, — хотя мнѣ было только двадцать девять лѣтъ, — вновь учрежденный въ связи съ совершившимся замиреніемъ Туркменіи, отвѣтственный постъ политическаго агента въ Бухарѣ.

Самое же занятіе Мерва было всемилостивѣйше приравнено къ походу военного времени, съ предоставленіемъ его участникамъ права носить медаль «за походы въ Средней Азійи».

Н. В. Чарыковъ.

